

Образ России как смысловой конструкт

Автор: И. В. СЛЕДЗЕВСКИЙ

(Семантическая составляющая "главного русского спора")*

Порядок выстраивания конструктов

Ответы на вопрос о том, почему история двухсотлетнего спора почвенников и западников в русской культуре никак не сблизил их позиции и не сделала образ России менее противоречивым, лежат, как будто, на поверхности. Очевидных ответов много, и они воплощают реальные противоречия российской истории. Можно сослаться на существование в истории страны амбивалентных тенденций: на целенаправленное, массированное усвоение опыта Запада и на сохранение русской культурной почвы; на императивы догоняющей модернизации и на роль "противоцентра" модернизации; на отсутствие культуры диалога (привычка нападать на инакомыслящих) и на "цветущую сложность" диалогических форм спора. Поэтому для того, чтобы продвинуться вперед в изучении темы, стоит поразмышлять не только над самим вопросом, но и над той готовностью, с какой общество принимает несовместимость позиций спорящих. Почему альтернативы развития и противоречия догоняющей модернизации должны быть и альтернативами дискуссии? Почему наличие диалога никак не сближает противостоящие друг другу позиции, а неумение вести продуктивный диалог не прекращает бесконечный спор? И главное - почему спор воспроизводится и почему, по замечанию Л. Аннинского, "истинную окраску" спору придают "именно крайности"? (цит. по [Блехер, Любарский, 2003, с. 352]).

Учитывая громадную временную продолжительность спора, можно предположить, что в самой его основе есть нечто такое, что исключает сближение ракурсов интерпретации образа России, но в то же время парадоксальным образом поддерживает и сам спор, и воспроизводит специфику его семантического поля. В чем заключается эта основа - определить сложно. Богатство содержания дискуссии заслоняет семантику спора, логику выстраивания его смыслов. Причина этого - сила традиции взаимоотталкивания в русской культуре противоположных ценностей, смысловых пластов русского исторического самосознания, и т.п. Если культурные смыслы и ценности несовместимы - то различия непременно доводятся до взаимоотрицания, несовозможности¹ их сосуществования.

* Окончание. Начало см. *Общественные науки и современность*. 2007. N 4. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта "Идеи и идеалы российской цивилизации как фактор создания образа России" (проект N 06 - 01 - 02085а).

¹ Термин Г. Лейбница, используемый Ж. Делезом [Делез, 1995, с. 227].

Следзевский Игорь Васильевич - доктор исторических наук, директор Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН.

Самое простое - предположить, что "извечная" дискуссия между почвенниками и западниками отражает объективные различия истории и судеб Запада и России. Ведь именно это подчеркивают в первую очередь ее участники. В семантике спора важное место занимают субстанционалистские высказывания, которые ориентируются на объективное, научное или квазинаучное описание особенностей России и Запада. Приписывание объективности аргументам представляет собой характерное направление смыслополагания в споре. Предикация в данном случае предполагает наличие объективных бытийных оснований для дискуссии о смыслах существования Запада и России.

Эта форма смыслополагания постоянно присутствует в споре. Внешним и характерным ее проявлением можно считать попытки составить перечни отличительных признаков России и Запада, соединить в одно целое аналитику и метафизику развития.

Но только ли этот тип смыслополагания определяет выстраивание смыслов образа России? Если бы это было так, если бы участники дискуссии ограничивались исключительно предикацией смыслов при помощи глагола "быть" (Россия такова, какая она есть, Запад таков, каков он есть), то кульминацией, а возможно, итогом спора стало бы сближение (схождение) линии означаемого и означающего, приведения их к определенному тождеству, скорее всего - к *тождеству противоположностей*. В логико-смысловом плане движение относительно друг друга сторон означаемого и означающего приобрело бы в таком случае вид *конъюнктивного синтеза*. Их соединения путем установления логической связи различий, даже если речь идет об их первоначальной несовозможности. Линии означаемых объектов и объектов - носителей смысла (имен, понятий, определений) сходились бы вместе и устанавливали бы тождество основных понятий и определений спора, как бы ни настаивали на своем его участники.

Между тем этого как раз и не происходит. Нет жестко определенных, *тождественных самим себе* терминов "соборность", "державность", "модернизация", "прогресс" и т.д. И это при том, что как пишет А. Уткин, "двухсотлетняя совместная жизнь в России убедила стороны, что наивно полагать, будто противная сторона исторически случайна, антинародна, подлежит изгнанию или истреблению" (цит. по [Блехер, Любарский, 2003, с. 586]). Все равно - главные смыслы спора устанавливаются и поддерживаются взаимным непреходящим противостоянием западников и почвенников. Несогласием всех со всеми. Странной, как будто логико-смысловой, ситуацией, в которой именно разногласия и разнонаправленность мнений сохраняют единое семантическое поле конструкторов, выстраивают смыслы образа России.

Можно предположить, таким образом, что сама логика спора *исключает тождество* противоположных взглядов, позиций, интерпретаций. Даже если они познавательно эффективны и тяготеют к объективному описанию особенностей России и Запада. Чем больше в эту сторону сдвигается центр дискуссии, тем более самоценной, центрированной на себе становится область выражений смысла как такового. С одной стороны, образуются "смыслы-в-себе" - неопределимые до конца имена, понятия, сакральные значения, вербальные символы, получающие статус особой онтологической реальности. С другой стороны, возникает и расширяется область так называемой *чистой денотации*. То есть действий, сводящихся к процедуре обозначения предмета: к соединению слов с конкретными образами, выражающими данное, ситуативное, сиюминутное положение вещей. Расхождение смыслов и предметов дискуссии постоянно сопровождает "главный русский спор". И что характерно, по мере расширения тематики, понятийного и предметного круга, спор не только не ослабевает, но усиливается, влияет на то, как соединяются смыслы предметов дискуссии.

В самом его начале, когда противоположные точки зрения выражали "старшие славянофилы" и первые западники, обозначение предметов дискуссии и выражения ее смыслов были практически неотделимы друг от друга. Смыслоопределяющие имена, понятия - "соборность", "общинность", "коллективизм", "национальные традиции", "индивидуальная свобода" находили прямое соответствие в обозначениях денотатов: "русская сельская община", "общинное устройство", "самодержавие", "частный и общественный быт Запада". Вербальные образы и смыслы так тесно соединялись между со-

бой, что можно говорить о характерном для того времени *тождестве* главных понятий спора, их смыслов и предметного содержания.

Начиная с эпохи "младших славянофилов", по мере расширения тематики спора и смещения его центра к истории и политике конфигурация смыслов и денотатов утратила свойства конъюнктивного единства. Смысл спора по-прежнему определялся идеями всемирной роли России, ее судьбы в контексте задач мирового развития, но предметный круг этих высоких интенций сузился до уровня конкретных, текущих политических задач: лидерство в славянском мире, противостояние России и Европы, права на Константинополь, русский национализм, русский либерализм, и т.д.

Еще радикальнее тенденция к расхождению предметной и смысловой областей спора проявилась у евразийцев начала XX в. Сфера означающего в их теориях замкнулась на "смысл-в-себе", на идее Руси - Империи Руси-Евразии, самосозидающей и самоценной Культуро-Личности. В то же время сфера означаемого свелась к натуралистической теории культурно-исторических типов, представленных географическими понятиями-образами. Это породило очевидную проблему нетождественности идеи чисто духовного примата Руси как носительницы высшей, христианской культуры и гражданственности в Евразии и идеи необходимости превращения православия в единственную властвующую партию. На это в 1927 г. обратил внимание П. Бицилли: "Государство не есть церковь" [Россия... 1993, с. 288].

В современных спорах западников и почвенников "смыслы-в-себе" и обозначения денотатов расходятся максимально. Расхождение доводится до уровня дуализма "чистых идеалов", "абсолютных символов" и профанной реальности. Участников спора волнуют перспективы одной страны - России, причем всецело в плане ее практического будущего: сохранение статуса великой державы, геополитическая роль в мире, макроэкономическое положение, противоречия и перспективы современных трансформаций, и т.д. Сфера означающего трансформируется в область скрытых смыслов, замкнутых на себя и стремящихся приобрести вид Провидения, самоценного и даже эзотерического знания: идеи сакральной географии (А. Дугин), сакрального как альтернативы "рыночному терроризму" (А. Панарин), души человека как основного места актуализации и воспроизводства истории в человеке и человека в истории, основного дома бытия локальной цивилизации, генетического кода ее истории (Н. Козин) [Дугин, 1997, с. 465 - 466; Панарин, 2003, с. 465 - 475; Козин, 2002, с. 71].

Столь большие, по сути, надысторические смыслы оказываются не тождественными предметам спора. Любое обозначение такого предмета, темы дискуссии оказывается преходящим по отношению к тому Смыслу, который сам участник дискуссии устанавливает в качестве самоценного и самодостаточного. Такой спор, действительно, рискует никогда не закончиться. Остается только согласиться с Козиным, который пишет: "Сегодня цвет политического спектра России (читай - основной предмет современного спора западников и русских националистов. - И. С.) будет одним, а завтра неизбежно станет другим, а его интересы всегда преходящи перед интересами Вечной России" [Козин, 2002, с. 11].

Если описанная тенденция верна, и нетождественность смыслов, действительно, "подпитывает" спор, то это должно приводить к определенному смысловому сдвигу в семантике спора, отражаться в структуре логических отношений тождества и противоположности, единства и множественности. Подобный сдвиг, если он имеет место, должен найти отражение и в структуре смысловых конструкторов. Таково ключевое условие решения вопроса о семантическом основании спора.

Действительно, расхождение означаемого и означающего постоянно присутствует в структуре конструкторов, определяет то, как они выражают и соединяют смыслы предметов дискуссии. Это проявляется наглядно в специфической множественности имен и определений конструкторов.

Выше я писал о том, что семантическое пространство дискуссии определяется взаимооборачиваемостью имен и денотатов конструкторов. Теперь надо отметить, что этот процесс в принципе не сопровождается установлением тождества имен, понятий, опре-

делений, с одной стороны, и обозначений денотатов - с другой. Параллельно с именами, понятиями и определениями, которые используются непосредственно в денотации предметов спора, обнаруживаются имена и определения, *отделенные от денотации*, представляющие, удостоверяющие, устанавливающие смысл как таковой - истинный, законченный, глубинный. Имена и определения второго типа, как правило, представлены неявно, в виде коннотаций, аллюзий, однако наличествуют постоянно, устанавливая с обозначениями денотатов *отношения множественности, противоположности, нетождественности*.

Содержание почвеннических взглядов выражается рядом имен и определений, непосредственно фиксирующих ее предметное содержание и течение дискуссии. Почвенники именуют себя националистами, консерваторами и государственниками. Но помимо этого, в самоназваниях присутствуют иные имена и определения, заключающие в себе атрибуты более высокого и сущего: *русское направление мысли*, почвенники как *русские пророки, обожествляющие народ и государство*, и т.п. Эти определения не тождественны "узким", предметным: "почвенники", "националисты", "консерваторы" и т.п. Аналогичным образом и в обиходных политизированных самоназваниях представителей западнического течения (русские европейцы, либералы, прогрессисты, рыночники) обнаруживается достаточно возвышенное, позитивно идентифицирующее означающее: *влюбленные в Европу* и ее историю, *одержимые идеей прогресса, провозвестники свободы и прав человека*. И в том, и в другом случае определения предметные - политические, идеологические - получают дополнительные (и какие!) смысловые коннотации: пророки, возвышенные жизненные устремления, глобальные направления мысли, стоящие вровень с требованиями истории, задачами народа и государства, смыслами культуры.

Эту множественность, нетождественность именованных позиций в споре ощутил и точно передал евразиец П. Савицкий, размышлявший о происхождении и смысле этого самоназвания: "Имя их - географического происхождения... В основном массиве земель Старого Света... они стали различать третий, срединный материк - "Евразию", и от последнего обозначения получили свое имя... Евразийцы суть одновременно: отстаиватели религиозного начала и последовательные эмпирики. Евразийцы в предельной степени ощущают реальность зла в мире-в-себе, в других, в частной и социальной жизни... Они менее всего утописты... Сознание греховности мира не только не исключает, но требует смелости в эмпирических решениях. И грех всегда остается грехом. Но, действуя в "миру", нельзя его утратить" [Россия... 1993, с. 100, 111 - 112].

В алогичности такой смысловой предикации можно увидеть проявление субъективизма ценностного содержания смысловых конструктов, классификаций объектов и явлений на языке оценок. В оценочных суждениях консервативные мыслители могут именоваться пророками, а географы - учеными, действующими в "миру" и ставящими эмпирические решения в зависимость от сознания греховности мира. Однако в чисто логическом плане это ясности не прибавляет. Самооценка субъекта не может определять предикативное соединение смыслов.

Отмечу в этой связи еще один любопытный и очевидный феномен дискуссии. Нетождественность соединяемых смыслов во многом проистекает из тех слов, которые участники спора используют для обозначения ключевых понятий дискуссии: *свобода, право, держава, державность*.

Исследователи уже давно подметили контрастность, противоречивость выстраивания смыслов подобных слов. Термин "право" в смысловом отношении может быть расширен до значений, которые полнее передаются русским словом "правда" (право, дополняемое истиной, притом истиной на деле, - в наглядном, символическом образе, воплощающем благо). Столь широкий смысл дополнительного значения противоречит пониманию права в "европейском смысле" как основанного на общеобязательных нормах поведения. Как "истинное положение дел", *правда* никак не может устанавливаться по взаимной договоренности. Но, соединившись, столь разные по объему значения да-

ют новый смысл. Право характеризуется словом *правда* как находящееся вне человеческих соглашений, вне договоров, имеющее высшую сакральную силу.

Свобода, понимаемая как воля, приобретает дополнительный контекст столь же "несообразных" смыслов: простор (общественная свобода), внутренняя свобода ("волевой", "сила воли") - и может отождествляться с упорством в достижении своей цели, самопринуждением. Держава, державность в смысловом отношении ассоциируется не только с независимостью государства, но и с истинной Властью, духом служения Власти высшим сакральным началам и народным интересам, идеалам государственного устройства. Все эти дополнительные значения и скрытые в них смыслы нельзя изъять из соответствующих терминов, они прочно соединены с языковыми знаками, с языком как целостной системой знаков и культурных контекстов.

То, что сами русские слова, используемые для обозначения ключевых понятий спора, способны трансформировать свои смыслы и, более того, эти *смыслы выстраивать*, начинает привлекать внимание участников дискуссии. Высказывается мнение, что именно это обстоятельство во многом обуславливает расплывчатость определений, неустойчивость позиций и базовых понятий спора. Подчеркивается, что присущие русской культуре *традиции выражения смысла* приводят к тому, что "европейские понятия" начинают функционировать с определенной смысловой "добавкой", меняющей их понимание [Сдвижников, 2001, с. 31 - 55]. Некоторые авторы идут еще дальше, утверждая, что *все* исторические понятия, выработанные на европейском материале, неприменимы к русской действительности, не годятся, не работают, искажают реальность [Пивоваров, Фурсов, 1998, с. 61 - 62].

Л. Блехер и Г. Любарский считают это мнение столь важным для понимания причин спора между западниками и почвенниками, ощущения самого его "воздуха", что выделяют "соотношение национальных понятий" в качестве одной из главных проблем спора: "Проблема не только в том, что внутри спора западников и славянофилов четко не определены многие основные понятия. Дело усугубляется тем, что в разных культурах понятия имеют различные круги смыслов. "Кирпичики" высказываний - понятия - оказываются разнородными, так что даже внешне похожие суждения могут быть выстроены из принципиально разных "кирпичей"" [Блехер, Любарский, 2003, с. 387, 392].

Этот взгляд на проблему вытекает из традиционного представления о конвенциональности любых смыслов. Выстраивание смыслов он целиком приписывает их устоявшемуся культурному содержанию, принятым культурным значениям. В свете этого подхода не таким уж странным кажется вывод о том, что и сам русский спор порожден несоответствием русской действительности "европейским понятиям". "У россияневедения, - фиксируют эту позицию Блехер и Любарский, - должны быть свои понятия: не революция, а Смута, не парламент, а Дума, не государство, а Власть. Дело, конечно, не в замене слов; утверждается, что революций в России нет, а есть отчасти похожие явления, которые следует изучать отдельно, выявлять их закономерности и именовать смутами, чтобы не путать с европейскими реалиями" [Блехер, Любарский, 2003, с. 386].

Анализ логики "главного русского спора" убеждает, однако, в том, что дело не в содержании смысловых конструкторов образа России и не просто в культурных значениях терминов, которые эти конструкторы определяют, а в *порядке выстраивания логико-смыслового каркаса этого содержания средствами языка*, в той логико-смысловой конфигурации, которой устанавливается *определенность отношений тождества, противоположности, единства и множественности*, обязательная для восприятия содержания как осмысленного, самоочевидного. Именно это, а не содержание смыслов и значения терминов выступает основанием смысловых конструкторов. Содержание конструкторов и привлекаемая для этого терминология выражают, обозначают эти отношения, но не могут изменить то, в каких координатах тождества, противоположности, единства, множественности формируются сами эти конструкторы. Логико-смысловая конфигурация конструкторов оказывается предзаданной их содержанию.

Можно заметить также, что соединение несоединимого в рассматриваемых смысловых конструкторах носит в определенной степени процедурный характер, осуществляется

независимо от того содержания, которое вкладывается в эти смыслы, и сохраняется как закономерная логико-смысловая конфигурация².

Процедурным моментом соединения заведомо нетождественных, а то и невозможных смыслов оказывается, например, языковой способ совмещения имен разных объектов в одном имени, приобретающем новый, особо значимый смысл (так называемые первичные именные синтагмы). Он устанавливает в определенном контексте *смысловое единство различного и несовместимого*. В "главном русском споре" подобных "соименований" много, они непосредственно встроены в смысловые конструкты и позволяют соединять в единое смысловое целое различные объекты: "Россия-не-Запад", "Россия - Другая Европа", "Россия-Евразия", "Россия-Востоко-Запад, евразийство, месторазвитие, культурно-исторический тип, культурно-личность, континент-океан, общественное Всецелое (церковь-государство-общество).

Можно ли полагать, что образ России выстраивается в особой логике смыслополагания, которая не передается адекватно традиционной логикой тождества-противоположности, связанными с нею формулами "тождество противоречий", "антиномии" как условие истины? Я не склонен окончательно принять эту позицию. Она требует более тщательного продумывания. Однако, кажется очевидным, что смысловая конфигурация конструктов, образующих образ России, не укладывается в формат традиционной логики установления тождества через глагол "быть" и словосочетание "не быть". Сама логика "русского спора" и в ее рамках чисто формальные, процедурные моменты выстраивания смыслов наводят на мысль о возможности и иных принципов формирования смыслов. Основание этих конструктов не устанавливает всецело отношений тождества (тождества противоположностей). Соединение означаемого и означающего не определяется исключительным глаголом "быть", во всяком случае, не сводится к нему. Семантика спора вполне преодолевает дихотомию "может" и "не может быть", соединяет противоположные (и невозможные) смыслы, не снимая различия между ними, то есть не приводя их к тождеству.

Различимы и некоторые более общие черты данного порядка выстраивания смыслов. Этому порядку присущи черты топологического множества. Совпадение множества смыслов устанавливается дистанцией между ними как *соположением* различий. Слово "дистанция" означает здесь определенный тип конфигурации смыслов, который определяется интенциями к расхождению элементов семантического целого (вещей и знаков, идей и объектов, и т.д.) при его сохранении. Дистанция между элементами множества (отдельными смыслами) не разделяет, а связывает их воедино, поскольку положение одного элемента зависит от положения другого. В то же время вещи и явления сопологаются, воспринимаются как очевидные, осмысленные исключительно в силу различий между ними: нет различия - нет сопряжения смыслов. Объект А признается осмысленным только в силу его сопологающего отличия от объекта не-А. В логике тождества-отрицания это может быть понято лишь как исключение (негативная дизъюнкция), которое должно быть ограничено, снято ради тождества понятия через исключение определенных предикатов. Однако "дистанционный" способ соединения смыслов не требует утверждения противоположностей, он соединяет невозможные и несовместимые вещи, а не противоположности. Невозможность закономерно задает расхождение линий означаемого и означающего как самостоятельную траекторию смыслополагания. Но благодаря одновременному утверждению различий, наличию дистанции как *коммуникативной связи* между ними устанавливается смысловое единство

² Здесь я использую понятие, предложенное и детально обоснованное А. Смирновым. Он доказывает закономерный ("просчитываемый") порядок смыслополагания, закономерную соотнесенность одних смыслов с другими в самих словах и их сочетаниях [Смирнов, 2001, с. 451 - 452]. Понятие "логико-смысловая конфигурация" Смирнов распространяет на все "просматриваемое" семантическое поле языка, я же ограничусь исключительно полем смысловых конструктов, образуемым взаимодействием означаемого и означающего.

целого и без процедур отрицания и исключения. Это означает трансформацию дизъюнкции из средства разделения и исключения в особую форму логического синтеза (синтез без тождества противоположностей).

Похоже, что именно *дизъюнктивный синтез* выражает логику "главного русского спора". Дизъюнкция в этом случае предполагает утрату самоидентичности понятий, определений, субъектов. Соединение смыслов достигается не через их тождество, а через коммуникацию и идентификацию представляющих их точек зрения. Каждая отдельная точка зрения оказывается связанной с другой, реагирует на ее изменения, удерживает ("запоминает") ее в себе, включает в себя противоположные смыслы в качестве предпосылки собственной очевидности. Чем иным, как не этим обстоятельством, можно объяснить продолжительность "главного русского спора", а равным образом и расхождение образующих его позиций. Выраженная антиномичность этих позиций скрывает порождающий их *порядок выстраивания смыслов через приравнивание их к различиям, а не к логическому тождеству*. Собственно, и сам спор является выражением данного логико-смыслового порядка.

Можно выделить и тот признак осмысленности, самоочевидности, который предполагается этим порядком смыслополагания. Таким атрибутом становится признак *определенности сущего* как того, чему или кому *принадлежит бытие*, кто или что *делает бытие истинным, подлинным, установленным*³. Мог ли долго и в одном и том же русле продолжаться "главный русский спор", если бы его участников не волновал прежде всего вопрос о *сущем в образе* России: кто полнее и лучше всего воплощает, вбирает в себя, "владеет" смыслами ее существования? Государство? Церковь? Общество? Идеалы модернизации и прогресса? Эти вопросы не снимаются с помощью объективистских высказываний, логики тождества и отрицания.

Соединение смыслов в инверсионной логике культуры

В структуре и логике языка имеются механизмы, которые удерживают означаемое и означающее в едином семантическом пространстве, препятствуют его размыканию. В структуре языка - это связь языка с универсальными и общими для данной культуры понятиями (сигнификация), а также с образами "Я" говорящего (манифестация). В результате дуальность означаемого и означающего тяготеет в общем семантическом пространстве к одному общему направлению разворачивания смысла (от более дифференцированного к менее дифференцированному, от прошлого к будущему и т. д.) В логике языка и культуры этому соответствует, с одной стороны, циклическая, замкнутая модель динамики денотатов реальности, а с другой - их смыслов.

Свое выражение эта модель получает как в логике здравого (рутинного) смысла (выражение смысла только в одном направлении, утверждение только одного, доминирующего измерения "Я"), так и в логике смысла общезначимого, заставляющего многообразные формы языка принимать прочное смысловое тождество. В пространственном выражении это означает, что вся совокупность единичных смыслов данной культуры принимает форму конечной группы точек, отграниченной от внешнего - разомкнутого пространства, а движение точек (события в поле смыслов) приобретает вид траекторий, ориентированных на ядро (центральные смыслы) языка и культуры.

По моему мнению, именно логики здравого и общезначимого смыслов являются тем основным семантическим фактором, который может противостоять превращению логики смыслов в предпосылку культурных инверсий. Очевидно, что в социокультурной реальности этот фактор обусловливается, поддерживается, усиливается развитием

³ Можно отметить, что именно атрибут сущего объединяет в осмысленное целое противоречивые (с точки зрения признака "бытия") языковые смысловые конструкторы "свобода-воля", "право-правда", "державность-истинная власть", и т.д.

структур повседневности с их жесткой направленностью сознания, стереотипизацией и унификацией социального опыта, текстов и дискурса культуры.

Инверсионная логика отличается от логики здравого и общезначимого смысла. Ее непосредственный отличительный признак: движение и воспроизводство смыслов *сразу в нескольких* направлениях. Для этого необходима потеря самоидентичности значений, субъектов, выражений языка и культуры. Конечно, и в этой ситуации сохраняется семантическая связь означаемого и означающего, они коммуницируются друг с другом, но эта связь скорее *автономных семантических пространств*: слова и контекста, открытого и скрытого, сообщаемого и воображаемого. Обычные для языка и культуры понятия и значения приобретают такие смыслы, которых нет в данном языке, поскольку они лежат за границей семантического мира, объективированного данным языком. При этом неизбежно возникновение явлений культурной полярности, дуальности, инверсионности. Но не только в значении замены господствующей системы ценностей, норм, культурных знаков (обычно понимание культурной инверсии), а в более сложном и глубинном аспекте резких, исторически мгновенных перестановок наличных языковых форм, языковых событий и глубинных основ смысла, субъекта и объекта речи, видимого и невидимого в культуре⁴. Пример - глубинная инверсия в советской культуре понятий "пролетариат" и "буржуазия": из терминов обыденного и научного языка они превратились в глобальные, мифологизированные конструкты с повышенным ценностным, нормативным и символическим содержанием. В то же время многие привычные смыслы данной культуры, выражаемые через ее конвенциональные значения, могут получать (в порядке инверсии) такие значения, понятийные и образные коннотации, способы выражения "Я", которых не было ранее в языке, которые лежат за пределами семантического пространства значений.

Существенный признак инверсионной логики как разрыва и переворачивания целых семантических пространств, а не только систем ценностей и знаков - отход смыслов, значений, манифестаций "Я" от языковых и культурных конвенций. Вследствие этого в язык и культуру входят такие смыслы, значения, которые она раньше не фиксировала открыто, и напротив, становятся невидимыми (хотя и сохраняются) многие другие, более привычные смысловые контексты и интенции. Здесь нужно заметить, что язык как целостная семантическая структура всегда действует в определенном смысловом горизонте, выявляя одни смыслы, которые становятся частью этого языка, и отодвигая от себя, убирая в глубины культуры, в ее подсознание другие. Характерным признаком инверсионной логики с этой точки зрения является то, что означаемое и означающее оказываются *по разные стороны* семантического горизонта культуры. Поэтому "видимое" и "невидимое" могут *меняться местами*, а коммуницирование сферы глубинных смысловых интенций и сферы постигаемой культурной реальности (понятий, значений, манифестаций "Я") теряет прозрачность единого семантического пространства.

Можно выделить и основные варианты подобных инверсионных движений культуры через горизонт языка (от видимых к невидимым смыслам и обратно). По-видимому, они выражают реакцию самой культуры и языка как целостных семантических образований на логику инверсий.

1. Вариант расхождения. Основные значения и определения смыслов данной культуры стягиваются к ее "ядру" (высшим ценностям и идеалам), тогда как "чуждое означаемое" (непонятная, невыразимая реальность) уходит за горизонт языка, становится для культуры невидимым (например, табуируется, объявляется устаревшим, пройденным, преодоленным).

2. Вариант сближения. Происходит сближение, стягивание, сцепление языковой и неязыковой реальности, глубинных интенций, смыслов-в-себе и обозначаемых вещей, яв-

⁴ Выдвигая данный тезис, я исхожу из того, что природа инверсионных процессов в историческом развитии и связь их с инверсионной логикой культуры еще далеко не раскрыты, их предпосылки, механизмы и результаты еще ждут систематических исследований и научных дискуссий.

лений, событий и т.д., при нарастающем отрыве языка от сферы скрытых смыслов культуры. В результате "хозяевами" семиосферы становятся практический язык, повседневная речь, культурно-языковые "маски", смысловая доминанта (означающее) подменяется ее практическими, ситуативными контекстами.

3. Смешанный вариант сближения и расхождения: одни пласты культуры приближаются (через язык) к неязыковой реальности, другие отталкиваются от нее, притягиваются к центру культуры. Вариант сугубо переходный, выражающий хаотизацию культуры.

Необходимо отметить сложность и необычность инверсионной логики: ее трудно понять в категориях здравого смысла. В то же время она может "подталкивать" исследователя к тому, чтобы занять одностороннюю позицию, если он сам вовлечен в переворот смыслов, переживает ситуацию кризиса идентичности, раскола культурного и языкового "Я". Это может быть позиция субъективного принятия одних сторон инверсионной логики и неприятия других, либо позиция ее формальной рационализации как явления, сводящегося к простой переполусовке знаков и ценностей культуры. Подобное осмысление инверсий, однако, *не выводит наблюдателя за ее рамки*, поскольку фиксируются лишь их "крайности", а не содержание - логика языка и культуры. Эту ситуацию, видимо, можно постоянно наблюдать в повторяющемся сценарии "главного русского спора" - воспринимать "противника" не как собственное зеркало, "свое другое", а как отрицание себя и своих ценностей.

* * *

В связи с этим кажется довольно односторонним и взгляд на антиномии русской культуры как основную ее особенность. Тезис о постоянных антиномиях русской культуры как ее базовой особенности, "судьбе" и т.п. - это *инверсионный взгляд культуры на самое себя*. В реальном культурном процессе акцентируемые исследователем ценностно-смысловые различия (между архаическими, традиционными, современными ценностями и смыслами) могут смягчаться, сопрягаться друг с другом, существовать "в тени" друг друга и воспроизводить "другого", исчезать и возникать вновь при помощи языка в том случае, если поколеблены горизонт языка и культуры, а также существующие в его рамках структуры повседневности. Старые и новые пласты культуры могут вполне соотноситься и даже предполагать наличие друг друга, хотя и в разных семантических пространствах (как, например, феномен русского двоеверия или архаика под покровом модернизации). Инверсии с этой точки зрения противостоит не "срединная" культура (которая также строится в семантическом пространстве языка и может включать в себя элементы инверсионной логики), а логика здравого (рутинного) смысла и феномен веками упорядоченной повседневной жизни. Инверсия возникает, когда неустойчив горизонт языка и культуры, разрывается тождество означаемого и означающего, "Я" человека, самооценивающего и самореализующегося. Тогда, действительно, парадоксальная логика языка и культуры может быть усилена, оформлена, закреплена ценностно-смысловыми антиномиями культуры, устойчивым сохранением в ней различных исторических пластов смыслов и ценностей, содержания и форм идентичности. (Хотя в подобной ситуации антиномические смыслы могут быть выработаны и более однородным типом культуры.)

Парадоксальным образом инверсия акцентирует и компенсирует, создает и преодолевает внутренние разрывы. Может резко, внезапно (особенно в ситуациях непредсказуемых изменений в системе социокультурных отношений) менять на противоположные планы и целевые установки, но может и сопоставлять новые культурные ориентиры с как будто потерявшими прежний смысл культурными образами. Но чтобы этот процесс преодолевал, "пересиливал" логику здравого смысла, "власть повседневности", культурная инверсия, должна, очевидно, поддерживаться особой семантикой инверсионных поворотов, устойчивой несамостоятельностью субъектов, значений, образов

культуры, отстранением языка от чуждой социальной реальности, замыканием культуры в пространстве ее идеалов, пространстве прагматических языковых отношений.

Может показаться, что рассуждения о дуальности семантического пространства русской культуры, инверсионных колебаниях в этом пространстве денотаций и манифестаций языка, с одной стороны, смыслов-в-себе - с другой, не имеют прямого отношения к выстраиванию образа России, во всяком случае, к условиям его осмысленности. Возникает также мысль о правомерности далекоидущих заключений о порядке выстраивания этого образа по материалам ставшей культурным явлением, но тем не менее довольно ограниченной в социальном смысле, *интеллектуально-философской* дискуссии о путях развития и месте России в мире. Ведь образ России выступает в "главном русском споре" скорее фоном, а не предметом дискуссии. Да и может ли образ, тем более такой глобальный, как образ страны, культуры, сведен к его логико-смысловой конструкции?

Отвечая на эти возможные возражения, можно заметить, что пронизывающие дискуссию отношения "текст-контекст", "предмет-фон", "смысл-контрсмысл" позволяют все-таки с определенной степенью достоверности судить о *порядке* выстраивания образа России, его логической конструкции. Кроме того, надо снова подчеркнуть, что нас интересует не сама по себе многосмысленность этого образа, "игра" заключенных в нем значений, а исключительно один его аспект - интенция самоочевидности, осмысленности.

Тем не менее не мешает проверить вывод о специфическом способе выстраивания образа России на примере собственно образных конструкторов. Яркого, канонического образа России, сочетающего в себе как отточенные языковые средства выражения, так и глубокие, сакральные смыслы. Одним из лучших примеров такого типа может служить непревзойденный по сочетанию художественной выразительности и идейно-смысловой направленности образ России из поэмы Н. Некрасова "Кому на Руси жить хорошо": "Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая, / Ты и бессильная, / Матушка-Русь! / В рабстве спасенное / Сердце народное - / Золото, золото / Сердце народное! / Сила народная, / Сила могучая - / Совесть спокойная, / Правда живучая! / Сила с неправдою / Не уживается, / Жертва неправдою / Не вызывается / Русь не шелохнется, / Русь - как убитая! / И загорелась в ней / Искра сокрытая - / Встали - не бужены, / Вышли - не прошены, / Жита по зернышку / Горы nanoшены! / Рать подымается - / Неисчислимая! / Сила в ней скажется / Несокрушимая! / Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и забитая, / Ты и всеильная, / Матушка-Русь!".

Уже первая строфа задает мотив и одновременно логическую конструкцию образа России, сочетающего несовместимые, невозможные качества (убокая и обильная, могучая и бессильная), не приводимые к тождеству. Тем не менее эти невозможные качества поэт соединяет в единое целое при помощи синтагмы "Матушка-Русь". Ясно также, что это имя объединяет не просто противостоящие друг другу качества, особенности народного характера, но, по существу, разные смысловые пространства определения и понимания этих качеств. Пространство обыденных для языка и культуры понятий и значений - с одной стороны, и пространство скрытых (высоких) смыслов и побуждений - с другой. Более четко это разделение выражено в другом фрагменте поэмы, в котором Некрасов противопоставляет два возможных пути движения в будущее Руси, русского народа: "Одна - просторная / Дорога - торная. / Страстей раба. / Кипит там вечная, / Бесчеловечная / Вражда-война. / Другая - тесная / Дорога, честная, / По ней идут / Лишь люди сильные, / Любвеобильные, / На бой, на труд".

В логико-смысловой конструкции стихотворения это разделение задается расхождением линий означаемой и означающего. Образ-имя Матушки-Руси реализуется в последовательном наращиваемом разделении собственно положения вещей (рабство-жертва-спящий, забитый народ) и дуального ему подлинного смысла, открываемого в обозначающих этот смысл сокровенных именах (спасенное и свободное сердце народное - сила народная, совесть спокойная - правда живучая - неисчислимая рать).

Однако наиболее глубокий, конечный смысл стихотворения определяется соположением обеих линий. Не приравнованием их значений к чему-то тождественному или, напротив, бесконечно противоречивому, а утверждением несочетаемых образов друг че-

рез друга (сердце, спасенное в рабстве, сила могучая - совесть спокойная). Во всем этом присутствует особая логическая процедура, выражаемая через понятие *дизъюнктивный синтез*.

С точки зрения обычной логической процедуры условием истинности выраженных в стихотворении смыслов было бы исключение некоторых предикатов положения вещей ради тождества ключевого образа-имени (свободный, праведный народ, победа высокого идеала). Однако вместо этого смысл существования России - Руси проводится через все новые и новые предикаты, в результате чего и происходит утверждение синтетической дизъюнкции. Что особенно важно подчеркнуть, образ-имя Руси при этом все больше утрачивает самотождественность. Возникает не просто диалог - происходит взаимоусиление, взаимонаращивание несоизмеримостей. Возникает новый образ (и одновременно синтетический смысл) бесконечной и одновременно связующей дистанции, пути-дороги, заключенный в имени Руси-России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блехер Л., Любарский Г. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. М., 2003.

Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.

Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.

Козин Н. Постижение России. Опыт историософского анализа. М., 2002.

Панарин А. С. Стратегическая стабильность в XXI веке. М., 2003.

Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории: на путях к россиеведению // Русский исторический журнал. 1998. N 1.

Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., 1993.

Сдвижников Д. А. Сравнить несравнимое: общее и особенное в понятиях "образованного человека" // Интеллигенция в истории. М., 2001.

Смирнов А. В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М., 2001.